

Верните понимание в отношения

Найдите настоящую
причину семейных
конфликтов

Рэн Асахина

Рэн Асахина

**Верните понимание в отношения.
Найдите настоящую причину
семейных конфликтов**

«Автор»

2026

Асахина Р.

Верните понимание в отношения. Найдите настоящую причину семейных конфликтов / Р. Асахина — «Автор», 2026

«Я говорю одно он слышит другое». «Она злится из-за мелочи — но явно дело не в мелочи». Эта книга устроена как большая семейная расшифровка: сначала говорит она, потом он, а затем автор показывает, как любовь постепенно умирает от невысказанных ожиданий, ревности, давления, сравнения, обид и попыток читать мысли партнёра. Через культурные образы, юмор и десятки узнаваемых ситуаций разбираются деньги, дети, верность, романтика, личное пространство и главная ошибка — ожидание, что близкий сам догадается, чего вы хотите. Финальная часть переводит конфликт в практику: сказать «прости», «спасибо», «я люблю тебя», назвать свою настоящую потребность и снова стать одной командой. Книга для пар, которые устали выигрывать споры и проигрывать отношения.

Рэн Асахина

Верните понимание в отношения. Найдите настоящую причину семейных конфликтов

Послушайте, что она говорит

1. Она говорит: «Лучше быть Беловолосой девушкой, чем выйти замуж за Хуан Ширена»

У знаменитого Хуан Ширена есть известная «теория Хуан» — «Женщина — это глиняная плитка на стене, которую снимают слой за слоем». Эту фразу можно назвать версией семьи Хуан выражения «Женщина — это одежда, а братья — родные». Если бы старик Хуан дожил до наших дней, он, наверное, сказал бы: «Женщина — это мобильный телефон в ладони, сумочка в портфеле — поколение за поколением, как же они милы (и достойны любви)».

К счастью, он не был императором, иначе стены дворца стали бы неизвестно насколько тонкими. Хотя он и не произнес ни одной джентльменской фразы о романтике и любви в духе «Ах, юность! Ах, любовь!», но с точки зрения «лягушки в колодце», каким он был как помещик-богач, то, что он смог выдать эту «изречение», — это уже большое достижение для него. К сожалению, похоже, что эта теория находится под угрозой опровержения, исчезновения и утраты. Старый «Желтый календарь», старый «Желтый календарь» — разве это не «опыт» любви «Старого Хуан» Хуан Ширена?

Справедливости ради стоит сказать, что он не был первопроходцем в пренебрежении к женщинам и тем более не был родоначальником отношения к женщинам как к нелюдям. Но старик Хуан, без сомнения, является вершиной в этом деле — достаточной, чтобы стать мишенью для ярости женщин и образцом, от которого просто необходимо «избавиться».

Неизвестно, какой по счёту слой глины он собирается содрать с «желтолицей» из семьи Старого Хуанга, и обладает ли она божественной силой «рева львицы с восточного берега» или «фирменным номером» — «сначала плакать, потом скандалить, а потом повеситься»?

Но если госпожа Хуан не тупая, то она наверняка знает, что этот жадный кот по кличке Старый Хуан обожает «острые» приключения. И она наверняка испытывает к «мачо-шовинизму» Старого Хуана и его убеждению, что «женщинам суждено страдать», ненависть, «буйную, как река, и нескончаемую». Даже юная девчонка Ян Сиэр знает, что старик Хуан — гнусный тип, настоящий негодяй, а что уж говорить о госпоже Хуан, которая находится с ним в постоянном тесном контакте? Она наверняка проклинает в душе: «Сестра Гуаньинь, почему мне достался этот ублюдок Хуан Шижэнь?»

Их логика заключалась в том, что женщина от природы является собственностью мужчины. Теперь они могут сослаться на библейскую историю о том, как Бог сотворил Еву, и беззастенчиво заявить: «О, так Си'эр была сотворена из моего левого ребра! Если бы в ту снежную ночь я не гнался за стариком Яном и не сломал его, Си'эр давно бы превратилась в глиняный излом на моей стене». Сегодня они могут с ещё большей гордостью заявить: «Женщина — это клон, созданный Богом из мужского ребра!» Это просто доводит Мо-го до бешенства!

Еще одна знаменитая фраза Хуан Ширена становится вполне логичной: «Если денег нет, то отдай мне свою Сиэр в счет долга!»

Хуан Шижэнь хочет отнять Сиэр, как будто это единственная соломинка, спасающая утопающего. И это не имеет никакого отношения к тому, красавица ли Сиэр, от которой рыбы тонут, гуси падают, луна скрывается и цветы стыдятся. По формуле расчёта скряги женщина, Сиэр, тоже является его собственностью.

Предположим, что Сиэр ничего не понимает и в любом случае выйдет замуж — что же будет, если она выйдет за этого Хуан Ширена? Если бы развод был возможен, Сиэр наверняка

подала бы на «развод» с стариком Хуан даже в ООН. Если сейчас пытаться найти аналоги и искать Хуан Ширенов по всему миру, то, боюсь, это будет очень сложно. Однако, если приглядеться повнимательнее, вы обнаружите: хотя старик Хуан и улетел на желтом журавле, повсюду до сих пор сохранились следы «старика Хуан». Многие мужчины, разведённые или разведённые, с презрением говорят: «Женщина? Да это всего лишь женщина!»

Если бы нужно было выбрать «мужчину, с которым нельзя не развестись», брат Хуан, несомненно, занял бы первое место. Ведь если нет даже элементарного уважения, кто же будет глупо таскаться за тобой по пятам, довольствуясь такой чепухой, как «за каждым великим мужчиной обязательно стоит великая женщина». Ошибки старика Хуан, пожалуй, даже не заслуживают того, чтобы о них писали самокритику.

Видно, что образец — это всего лишь образец: у женщин власть начала уходить из рук ещё в первобытном обществе, и чтобы за пару дней изменить ситуацию, даже убийства ста Хуан Шиженной будет недостаточно.

Но, по крайней мере, можно сказать «НЕТ» Хуан Ширену. Сизэр, предусмотрительно разглядев лицо лисы Старого Хуан, проявила большую смелость и мудрость, уклонившись, сбежав и скрывшись. Если же ты раскроешь истинное лицо Хуан Ширена только после свадьбы, у тебя ещё останется возможность развестись. Если же ты будешь обращаться со своей женой так же, как Хуан Ширен, требуя долга в преддверии Нового года, имей в виду: даже Сизэр, которая не стала «Беловолосой девушкой», в отчаянии может потребовать от тебя развода.

Брак без уважения — это брак, зашедший в тупик; ведь нормальный и прочный брак строится на взаимном уважении личностей обоих партнеров. Он не имеет никакого отношения к богатству, славе, высокому или низкому положению и другим внешним атрибутам. В конце концов, брак — это высокое искусство жизни, это парный танец двух «обнажённых тел» и «обнажённых душ», а равноправие и равенство — вот вечная истина.

2. Она сказала: «Я не твоя матушка У, товарищ А-Цю!»

Бао Си погубила династию Ся, Да Цзи — династию Шан, красавица, прижимающая руку к сердцу, погубила государство У, а юная Юйхуан погубила династию Тан. Сварливая женщина может ругаться на улице на глазах у всех, жестокая жена — отравлять мужа в полночь, а мать-якоша может совершенно открыто вести грязный бизнес, причём её ловкость в приготовлении «пельменей из человеческого мяса» ничуть не уступает мастерству благовоспитанной дамы, соблюдающей «три послушания и четыре добродетели» и «три принципа и пять постоянных», в продевании нитки в иголку.

Прочитав много древних книг, у меня сложилось ложное впечатление, будто прирождённая профессия всех красавиц мира — разорять семейное состояние, разрушать государство и общество, а также специально мешать героям. Иначе откуда бы взялись такие выражения, как «красавица — беда» и мучительный выбор: «Что важнее — государство или красавица»?

Красавица — это преграда, которую герою трудно преодолеть. Неудивительно, что среди «36 уловок» самым пугающим для мужчин уловкой оказывается именно «уловка красавицы». Перед смертью Инь Сусу сказала Чжан Вуцзи: «Чем красивее женщина, тем больше она обманывает». Это действительно самое откровенное признание, которое красавицы мира дают без всякого принуждения!

Возьмём, к примеру, простолюдина А-Цю: если бы он тогда, глядя на деревенский спектакль, не сжал с силой бедро женщины, разве он осмелился бы на глазах у всех погладить нежное личико маленькой монахини? Если бы он не был так одурманен импульсом, что, как голодный, не разборчивый в еде, искренне признался маме У: «Я хочу переспать с тобой», разве он был бы изгнан из семьи Чжао, уволен с работы, как беглый пес пробрался в город и в конце концов был «революционизирован»? Если проследить корни, то эта матушка У на самом деле еще хуже Да-цзи — разве Да-цзи когда-нибудь доводила царя Чжоу до того, что

у него осталась только половина трусов, а от голода перед глазами мелькали звездочки, и он крал сырую репу в монастыре?

А-Цюй презирал женщин, так же как и женщины почти не обращали на него внимания. «С монахами можно» — а о маленькой монахини и говорить нечего. Хотя маленькая монахиня и ругала его, называя «бесплодным», А-Цюй с полным самоуверенностью лапал её пудровое личико.

Однако пудровое личико монахини разбудило в нём желание и привело А-Цю в состояние неимоверного опьянения — одинокий холостяк, пусть и прокажённый, лысый, пусть и любящий говорить: «Сын бьёт отца», пусть и всего лишь поденщик, но всё-таки нормальный мужчина, обладающий мужским сексуальным влечением, которое невозможно подавить. А-Цюй понял, что ему действительно пора подумать о поиске женщины, чтобы утолить «голод» в душе.

Наконец, он решил действовать в отношении своей «коллеги» — старухи, у которой при смехе глаза сжимались, как сухие орехи, с завязанными ножками и уже в преклонном возрасте — и опустился на колени. А-Цюй бросился к маме У и опустился на одно колено. К сожалению, старик Цюй не был поэтом и тем более не умел петь «цветочные песни». В конце концов он выпалил резкую фразу: «Мама У, я хочу с тобой переспать!» Это было настоящим гром среди ясного неба, и мама У, испугавшись, как будто её насиловали, начала громко кричать: «Умру, умру!»

Если бы А-Цю не родился в теле свиньи, как Чжу Бацзе, а был красавцем, превосходящим Пань Аня и Сун Юя, да ещё и богачом, то не только матушка У, но и сестры У, возможно, бросили бы ему кокетливый взгляд и полусогласились бы. Как же поступил бы такой А-Цю, этот современный А-Цю, который презирает женщин, но при этом постоянно думает о «поспать», в условиях «осады» обоих полов? Он будет рассматривать женщин как игрушки, постоянно искать новые сенсорные ощущения, а когда предаст женщину, то оправдает себя словами: «Ну, женщины — это же просто поспать!»

Такой «сексуалист»-А-Цюй не способен по-настоящему любить женщину, а его понимание брака сводится всего лишь к «сексу». Естественно, уйти от А-Цюя — возможно, лучший и самый мудрый выбор для госпожи Цюй.

3. Она сказала: «Грантье, ты заслужил развод!»

У Грантея была одна причуда, от которой он не смог избавиться до самой смерти: каждый день он должен был точно по времени, словно вор, в одиночестве забираться в свою тайную комнату с сокровищами, чтобы «любоваться» своими накоплениями. В сердце старого Грантея только деньги и сокровища были вечными и милыми, а брак, родственные узы и семья — всего лишь серия сделок, то прибыльных, то убыточных.

Перед смертью к старику Гранте пришёл священник, чтобы отслужить панихиду. Когда священник поднёс крест к его губам, он как по волшебству ожил и попытался вырвать крест из рук священника. Любовь старика Гранте к деньгам, как и любовь госпожи Гранте к дочери и к самому старику Гранте, была абсолютно чистой — 100-процентной, доходящей до болезненной жадности. Как только человек становится жадным, его стремление к обладанию и желание господствовать приобретают крайне фанатичный характер. Поэтому в семье Старого Ге практически всё решал один он сам, не пощадив даже дочери, которую довел до самоубийства. Неудивительно, что перед смертью госпожа Ге с горечью сказала дочери: «Девочка моя, счастье есть только на небесах!»

Ещё одним преступлением старика Ге была крайняя скупость. В семье, где женщина вынуждена была жить на милость мужа, госпожа Ге не могла не впасть в отчаяние из-за бездушия и холодности своего супруга. Ведь старик Ге был настолько скуп, что даже не хотел отвести жену к врачу. Чтобы как можно меньше тратить «ненужных» денег, старик Ге, можно

сказать, изворачивался как мог. Кто, кроме женщины, способной сама печатать или зарабатывать деньги, смог бы вынести такой «счастливый» брак?

У скупости скряги рано или поздно наступает конец, но эгоизму и корысти, проявленным стариком Ге в браке и семье, нет предела. Еще не остыли останки госпожи Ге, как старик Ге, прибегая к обману и угрозам, заставил дочь отказаться от своих требований о разделе семейного имущества — такой муж, такой отец... Кто бы не почувствовал при этом холод в сердце и отвращение? Даже перед самой смертью старик Ге не забыл напутствовать дочь: «Управляй этим домом и отчитывайся передо мной!» Похоже, что, оказавшись на небесах, старик Ге, возможно, потребует управлять казной Царства Небесного, чтобы обрести покой — в конце концов, он всю жизнь копил деньги, и как ему жить, если он не слышит звона монет у себя за ухом и не чувствует их тяжести в кармане?

Если бы этот скряга стал зятем императора, я думаю, что даже дочь императора, рожденная в роскоши и богатстве, вероятно, в любой момент стала бы для него предметом торговли — будь то ее репутация, власть, талант или тело, — лишь за ту цену, которую он счел бы достаточной, чтобы не жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Для скряги накопление богатства — это и хобби, и профессия; он похож на гигантского удава, охраняющего южноафриканские алмазы, и на преследующего беглеца ловкого гончего, всегда идущего в авангарде. Самое страшное, что такое накопление — не просто поза, не пустой лозунг: для скряги деньги — это всё, а всё — это деньги. Поэтому, в отличие от А-Цю, который женился ради секса и «ночного утешения», такие люди, как старик Ге, вступают в романтические отношения ради денег, играя в любовные игры. Их души уже давно покрыты толстым слоем медной ржавчины, и они уже давно заключили тайный брак с «братом Конфан» посредством выгодной сделки.

Женщина для скряги — не более чем лишнее или необязательное явление. Если она «есть», то может принести богатство; если «нет», значит, он не нашёл женщину, с помощью которой можно было бы нажиться. Любовь для скряги — всего лишь лоскуток, цвет и качество которого настолько «ужасны», что на них невозможно смотреть.

Какая польза от такого жадного, скупого и эгоистичного мужчины?

Сможешь ли ты терпеть эту присущую скупому человеку ставку на брак, подобную игре в лотерею?

Лучше развестись.

4. Она сказала: «Чжоу Бопи, разве можно так жестоко обращаться с женой?»

«Петух поет посреди ночи» — как только этот «Чжоу» мог такое придумать, специально лишая людей основного права на сон? По современным демократическим законам его следовало бы приговорить к «немедленной казни»!

Но я думаю, что его супруга, несомненно, очень довольна. В конце концов, каким бы жестоким и бессердечным ни был старик Чжоу, он обращается так только с теми «прожорливыми, ленивыми и необразованными» батраками — все оружие направлено вовне. Жены батраков, хотя и хотели бы содрать с старого Чжоу кожу и сшить из неё ватку, могут быть совершенно спокойны: разве он не кричит как петух посреди ночи ради того, чтобы заработать побольше серебра и купить жене ещё одну пару браслетов, пару лив с крема для лица и тому подобное? Имея такого карьериста-мужа, который выжимает из людей до последней капли, ломает голову над тем, как заработать на стороне, что ещё может пожелать госпожа Чжоу?

Счастлива ли семейная жизнь Чжоу «Сдирателя кожи», есть ли в ней противоречия и трещины, развелся ли он или нет — об этом ничего не известно. Но у мужчин, которые направляют дуло на свою спутницу жизни и применяют по отношению к жене тактику «кукареканья посреди ночи», в браке наверняка куча проблем. Ведь она же твоя жена — соседка по комнате, кузнечик на одной веревке, матрос на одной лодке, «та самая» на одной постели. Стоит ли так жестоко обращаться с женой?

На начальном этапе карьеры у мужчины нет ни денег, ни людей. Они обнаруживают, что их грандиозные планы, о которых они говорят до крови на губах, никто не верит, и тем более никто не аплодирует. Оглянись вокруг: если жена полностью верит в мужа — мужчина хочет спуститься с Луны, а женщина тут же ставит лестницу и звонит Чаньэ; мужчина хочет поймать черепаху в пяти океанах, а женщина спешит приготовить ему гидрокостюм и отправлять деловое письмо Драконьему королю. Мужчина, которому не верит даже жена, скорее всего, недалеко от «краха».

Жена превращается в бесплатного поденщика, которого нельзя уволить, отругать, прогнать или избавиться.

В глазах таких мужчин жена — даже хуже наемной работницы: кроме брачного договора у них нет трудового контракта, поэтому, естественно, «пробуждение посреди ночи» не считается «жестоким обращением с наемным работником». Если все получается — заслуга принадлежит мужчине; если терпится неудача — болезнь ложится на плечи женщины. В лучшем случае они лицемерно скажут: «Заслуги — наполовину твои». Но он ещё может добавить: «Половина мужчины — это женщина! Посмотри, разве женщине не достаётся только 1/4 результата? Да и то, получишь ли ты его, пока неизвестно...» — Странно, что огромное количество Ев, оказывается, не осмеливается сказать Адаму: «Я хочу долю яблока, змея и весь Эдемский сад!»

Разве можно не уйти от такого мужчины?

Старик Чжоу ещё знает, что хозяйка крепости — это хозяйка крепости, а батрак — это батрак. Такой мужчина перед женой — гениальный политический комментатор, а как только речь заходит о так называемой карьере, каждая его клетка словно наполняется стимулятором. Женщины, увлеченные их громкими хвастливыми речами, добровольно выпивают подаваемый мужчинами «очаровательный напиток», надевают ярмо на свои нежные белые шеи и молча, молча, всегда молча жертвуют собой ради мужчины.

Однако такой брак таит в себе множество опасностей. Из-за опьяняющего зелья рано или поздно наступает пробуждение, и первое, что делает пробудившаяся женщина, — это либо «сдирает шкуру» со старого Чжоу, либо разводится!

Супруги, у которых брак отходит на второй план, а карьера выходит на первый, должны «быть близки как супруги, но четко вести счета». Независимый муж и независимая жена должны четко разграничить и оговорить права собственности на бизнес. Должны быть только супруги, а не начальник и подчиненный. Должны быть только супружеские отношения, а не трудовые. В отношениях супругов, ориентированных на карьеру, должно быть больше прозрачности и больше взаимопонимания, как у партнеров.

5. Она сказала: «Шанбо, ты меня так разочаровал»

Главный поучительный урок истории о Лян и Чжу заключается в следующем: в начальной школе не стоит так рано вступать в любовные отношения. Даже если подростковые эмоции невыносимы, даже если строки «Гуан-гуан, жу-цзю, на островке посреди реки» заставляют тебя невольно произнести «Изящная дама — желанная невеста для джентльмена», ученикам начальной школы не следует вступать в любовные отношения.

Конечно, эта история также говорит юношам и девушкам, которые сейчас влюблены или в будущем влюбятся: не выходи замуж за литератора, и особенно за такого, как Лян Шанбо — бедного, старомодного, тупого и неумного, с хрупкой душой и слабым здоровьем, потерявшего любовь и цель в жизни, готового при малейшем поводе вытянуть ноги и покончить с собой.

Самая большая ошибка Чжу Интай заключалась в том, что она переоценила ум и смелость своего одноклассника Шанбо. Разве можно было думать, что тот, кто знает «Луньюй» и «Чжуньюн» наизусть лучше, чем «Библию», кто может поболтать о «управлении государством, наведении порядка в семье и установлении мира под небом», кто сочиняет несколько дурацких стихотворений вроде «Любовь бабочки к цветку» и «Две летящие ласточки», обяза-

тельно умнее Ньютона? Голова Шанбо — не говоря уже о яблоке, даже если бы его разбили тыквой, зимней дыней или арбузом до крови, он, боюсь, так и не понял бы ни одной истины — о, оказывается, одна девушка тайно влюблена в меня! Подумай только: мы вместе учились у окна несколько лет, спали на одной постели несколько лет, были «18 прощаний», были какие-то «утки-свистунки» и «бабочки»... А наш однокурсник Шанбо даже не понял, что Интай — девушка. С такими знаниями по «физиологии и гигиене» он ещё осмеливается говорить о любви! Брат Шанбо, я в восторге от тебя!

Если бы наш одноклассник Шанбо был просто тупицей или у него просто не хватало винтика в голове, это не имело бы значения. С одной стороны, одноклассница Интай могла бы проявить чуть больше смелости, подбежать к Лиангу и бросить ему в лицо признание, словно бомбу: «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!» С другой стороны, как только эти двое закончат начальную школу, гормоны полового созревания сами разбудят Лианга. По крайней мере, как только малыш Лян увидит в зеркале своё лицо, покрытое прыщами и угревой сыпью, ему придет в голову идея прогуляться с малышкой Чжу, сходить в кино или поцеловаться, поговорить о свадьбе и прочем.

Проблема в том, что Шанбо был очень беден, и по сравнению со своим соперником Ма Вэньцаем, который то и дело ездил в роскошной паланкине, обладая бесчисленным имуществом, стадами скота и огромным богатством, он, пожалуй, мог только блекнуть на его фоне и с грустью напевать: «Мне не суждено, соперник слишком силен!» Но бедность — это не беда, впереди ещё долгая жизнь. Возможно, после того как Лиан окончит учёбу, получит диплом и сможет обеспечить благополучие своей семье, его положение может резко улучшиться. Молодость — это капитал, так что конкуренция между Шанбо и Ма Вэньцаем обещает быть интересной. У него такой талант к слову — он может писать сценарии и романы, и это приносит неплохие доходы. В крайнем случае он может пойти работать журналистом, копирайтером в рекламе или фрилансером — и все равно будет жить в достатке.

Жаль, что он старомоден, не может смотреть на вещи шире, да и на уроках физкультуры не набрал нужных баллов — здоровье у него слишком слабое. Когда он злится, он не обращается к психологу и не ищет, кому бы выговориться, а просто переживает в одиночестве. С его здоровьем разве это не равносильно самоубийству? И действительно, Интай так и не успела стать госпожой Ма, как под гнетом угрызений совести была вынуждена вместе с ним превратиться в бабочку, не сумев даже остаться человеком. Увы!

А вот его однокурсник Шанбо, судя по всему, был кротким, честным и простодушным. По логике вещей, у такого тупого, бедного, неспособного и слабого здоровья литератора, как он, характер должен был бы быть просто ужасным. Ведь у них от природы есть некое нереалистичное чувство превосходства — «ах, я человек культуры, а джентльмен и в бедности остаётся джентльменом»...

К счастью, Интай не стала его женой, иначе было бы странно, если бы он её не довёл до смерти своим характером.

Говорят: «Не выходи замуж за интеллектуала». Судя по примеру Лян Шаньбо, в этом есть доля правды. Даже такая добрая и открытая девушка, как Интай, не смогла с ним справиться и была вынуждена покончить с собой вместе с ним. Что уж говорить о современных девушках, которые придирчиво относятся к мужчинам? Неудивительно, что они разводятся!

6. Она сказала: «Господин Сюй, я отплатила за вашу великую милость»

В истории о Белой змее и враче Сюй главная тема — не брак, а принцип «на каплю воды нужно ответить фонтаном». Уже по одному только названию «Повесть о праведном демоне» становится ясно, что эта история о ненормальных любовных отношениях, столь же широко распространенная в народном фольклоре, как и история любви человека и лисицы, на самом деле является лишь пьесой о воздаянии за милость, в которой главную роль играет Белая змея, а второстепенные — Сюй Сянь и монах Фахай. Просто милость врача Сюй была, в лучшем

случае, делом одной руки, а благодарность Белой Змеи оказалась «бушующим волнением», в результате чего даже огромный храм Цзиньшань и райские Су и Хань были на половину затоплены её «источником».

Воздавать добром за добро, мстить за зло — чтобы стать настоящим джентльменом, мужественным мужчиной или верной женщиной, в Китае чёткое разграничение между благодарностью и враждой является минимальным требованием. Вы читали «Сироту из рода Чжао»? Такое болезненное стремление к воздаянию, которое ничто не могло остановить, тронуло весь мир. У такого отношения есть очень красивое название — «и». Чтобы стать праведником — пусть даже праведной змеей или праведным демоном — необходимо четко различать добро и зло. Поэтому Белая Змея, прокатившаяся девять тысяч лет, в первую очередь решила принять облик женщины, отправиться к разбитому мосту, чтобы дожидаться своего возлюбленного Сюй Сяня, сама признаться ему в любви и связать себя с ним узами брака.

В этот момент Сюй Сянь — независимо от того, есть ли у него дом и машина, является ли он красавцем и крутым парнем, оказался ли он уволенным и безработным, имеет ли он нечистые намерения и овладела ли им злая сила — наша Белая Змея поступила бы в соответствии с устоявшимся на протяжении нескольких тысяч лет «железным правилом» воздаяния за милость: вышла бы за него замуж (или заставила бы его жениться на ней!).

Этот брак нужен был Белой Змее. Она была убеждена, что для мужчины нет большей награды, чем «получить» в качестве «супруги» богиню с безграничной магической силой и неотразимой прелестью. Конечно, неважно, были ли у Сюй Сяня до появления Белой Змеи подруги, обручения, «функциональные» проблемы или стремление к одиночеству. С магической силой Белой Змеи в этом мире, кажется, нет проблем, которые нельзя было бы решить. В крайнем случае, можно просто напоить Сюй Сяня кувшином «зелья забвения».

Роман Сюй Сяня и Белой Змеи — это прекрасная сказка, сотканная руками самой Белой Змеи. Жаль только, что монах Фахай, не понимая всей ситуации, вдруг выскочил на сцену, метался туда-сюда, угрожал простому смертному Сюй Сяню и сыпал его реальном. Этот «третий лишний» применил научно обоснованный и действенный план разведывательной операции. Его борьба с демонами и поимка чудовищ изначально не знала понятий «справедливости» и «несправедливости». Несмотря на то что в конце концов он был вынужден укрыться в панцире краба и превратился в блюдо, которое может съесть любой человек, «пала башня Лэйфэн, высохло озеро Сиху» — он, в конце концов, разлучил пару, состоящую из человека и демона, и совершил шедевр в деле поимки демонов.

Иногда встречаются рекламные слоганы вроде «продам себя, чтобы похоронить отца» или «продам себя, чтобы похоронить мать», и их рекламный эффект превосходит всё остальное. Девушке, если она не слишком уродлива, не страшно быть настолько бедной, что ей придётся продать себя, чтобы исполнить сыновний долг. Можно и помочь ближнему, и обрести красавицу — убить двух зайцев одним выстрелом, почему бы и нет? А что еще оставалось этой юной девушке, кроме как сказать: «Нечем отплатить, остаётся только отдать себя»? Брак для него — не более чем сделка, а мужчина явно пользуется бедствием, добывает падающего и извлекает выгоду. Можно себе представить, насколько счастливым будет такой брак.

Если не удастся покорить человека душой, то покоряют его телом, и лучший способ — это стать для неё «благодетелем», перед которым она не сможет не отдать себя. Однако, когда «благодетель» становится «супругом», женщина, словно погасив огромный долг, чувствует облегчение и начинает задумываться о своём настоящем возлюбленном и настоящей любви. Ей нужно найти выход для своей души. Поэтому Белая Змея в башне Лэйфэн могла с непоколебимым спокойствием медитировать, обращаясь к Будде, и продолжать своё духовное совершенствование, стремясь к просветлению и дзену, в то время как Сюй Сянь за пределами башни Лэйфэн мог лишь с опустошённым сердцем отправиться в храм Цзиньшань, чтобы «быть монахом и бить небесный колокол».

В мире нет любви без причины, но если такая любовь сводится лишь к воздаянию за милость, то она становится совершенно неустойчивой. Трагедия Белой змеи и Сюй Сяня заключается в том, что оба считали брак средством для удовлетворения чувства «долга». На самом деле, это зачастую и является началом пути к разводу.

Если брак основан лишь на благодарности, то это все равно что строить высокую башню на песчаном берегу. Ведь брак — это не инструмент и не долг, который можно погасить одним разом.

7. Она сказала: «Я не брошусь в реку, я хочу развода»

Многие говорят, что муж Ду Шиньян был совершенно безумным, раз осмелился выставить свою прекрасную жену на публичный аукцион в качестве ставки в азартной игре. Жена ведь не твоя собственность, не твоя кошка или собака — какое право у тебя есть обменивать её на наличные, чтобы продолжать играть в маджонг и на игровых автоматах?

Конечно, это противоречит современному законодательству и здравому смыслу. Но для азартного игрока, который то и дело проигрывает, но при этом продолжает играть, пока у него не останется ничего, кроме самого себя и «госпожи жены», брак становится последней ставкой. Некоторые сожалеют о глупости господина Ду. Разве она, Ду Шиньян, прожившая в мире развлечений более десяти лет и являвшаяся лучшей куртизанкой, обладающей и талантом, и красотой, не имела ни гроша личных сбережений, что дошло до продажи жены? Разве если бы она просто вытащила из своего сундука с сокровищами золотое кольцо, браслет или цепочку, этого не хватило бы ему, парню, на десять дней или полмесяца? Зачем же продавать жену, чтобы в итоге остаться ни с чем — и без денег, и без жены — и потерять всё?

Однако азартные игры разоряют семью, и с его удачей, везением и характером даже целые горы золота и серебра у сестры Ду, наверное, не имели бы никакого значения. Разве у этого парня может быть такое беспокойство, что «зарабатывать деньги — как ласточке нести грязь, а тратить — как воде смывать песок», разве у него может быть такой подход, что «небольшая азартная игра может развлечь» или «небольшая азартная игра — просто для удовольствия»? Если он даже поставил на кон свою жену, мать своих детей, то можно себе представить, насколько этот парень одержим азартными играми!

В конце концов, привычки и вредные привычки — это не одно и то же. Курение и употребление наркотиков, азартные игры и азартные развлечения, употребление алкоголя и разгульная жизнь — разве их можно ставить в один ряд? Вредные привычки сопровождаются так называемой «зависимостью», которая периодически «даёт о себе знать», и без лечения ведут к гибели. Поэтому вредные привычки не только могут разрушить здоровье, но и разорять семью, причинять вред окружающим, включая жену и детей, с которыми человек живёт бок о бок день и ночь.

Кто-то говорит, что сердце — это, по сути, песочные часы, которые в каждый момент позволяют пройти только одному песчинку. Если их станет больше, проход заблокируется. Для человека, страдающего вредными привычками, азартные игры, наркотики, развратные утехы и т. п. — это и есть та единственная песчинка. Что же касается брака, любимого человека, семьи, моральных принципов и т. п., то все это — лишнее, на что «сердце готово, но сил не хватает». Поэтому в случае брачных неурядиц вредные привычки становятся главным убийцей.

В жестокой борьбе за мужа с пагубными привычками Ду Шиньян своим трагическим самоубийством, бросившись в реку Янцзы, объявила о своём поражении. Брак был для неё спасительной соломинкой, к которой были привязаны все её мечты о полном преображении и достойной жизни. Когда она обнаружила, что брак в конечном итоге принес ей лишь позор и разочарование, Ду Шиньян — эта феодальная женщина, вступившая в брак исключительно из-за любви, — могла только с отчаянием, подобным отчаянию Цюй Юаня, покончить с собой, став добычей рыб. Возможно, она ещё надеялась, что своей смертью сможет пробудить мужа,

по-прежнему увлечённого азартными играми, и даже надеялась, что он будет раскаиваться в этом до конца своих дней.

Вредные привычки — это внутренний демон. Провал сестры Ду — это, по сути, провал многих женщин, и это не имеет никакого отношения к тому, насколько они прекрасны, богаты или любят своего мужа. От вредных привычек трудно избавиться, но это не значит, что ситуация безнадежна. Однако когда дело доходит до того, что муж продаёт жену ради азартных игр — подобно тому, как У Ци из периода Воюющих царств убил свою жену ради славы, — можно ли тогда рассчитывать, что блудный сын исправится и изменит свою жизнь? Полагаю, что даже такие великие врачи, как Хуа Хо и Пянь Цзе, не смогли бы спасти ситуацию. Ведь вредная привычка, подобно раковым клеткам, уже проникла во все внутренние органы, и болезнь достигла неизлечимой стадии.

С того момента, как господин предложил план «продажи жены», Ду Шинян поняла, что их брак мёртв. Единственный выход — уйти или умереть.

Женщина — не Хуа Туо.

Поэтому Ду Шинян, полная горечи, бросилась в реку.

Если бы это было сейчас, она, возможно, выбрала бы развод — умирать таким образом просто не стоит!

8. Она сказала: «Бава, ты можешь прорвать окружение»

«Сила, способная вырвать гору, и дух, затмевающий мир» — даже перед лицом смерти побеждённый Сян Юй не забыл повторить Юй Мэйцзи свой собственноручно сочиненный миф о непобедимости. Но Юй Мэйцзи сказала: «Великий царь, а сможешь ли ты, сидя в корзине, поднять себя вверх?» Юй Мэйцзи покорила сердце великого царя Сян Юя с помощью простого физического знания. Видно, что даже герой перед красавицей не более того.

Окружённый со всех сторон песнями Чу, в осаде при Гай-ся, Сян Юй, помимо того, что подчеркивал ложную теорию о том, что «время не благоприятно» и «небеса хотят погубить меня», специально добавил фразу: «Юй, Юй, что же делать?». Под этим подразумевалось, во-первых, что без тебя, Юй Цзи, я бы легко прорвал окружение, а ты — лишь обуза; во-вторых, что если я, Сян Юй, сегодня потерплю поражение и погибну, а ты попадешь в руки Лю Бана — этого хулигана, разбойника и негодяя, — как я смогу закрыть глаза в могиле?

Что же делать, что же делать? На самом деле, разве не знала предельно умная Юй Цзи, что величественная песнь великого князя — это её смертельная песнь, песнь о погибшей душе? Только если она умрёт, великий князь сможет успокоиться (либо спокойно прорвать окружение, либо спокойно пасть в бою) и закрепить свою славу на всю вечность. Итак, Юй Цзи, не говоря ни слова, пронзила себя мечом — так же героически, как революционный герой. Она знала, какую ценность имеет её смерть для мужчины.

Если бы она посмотрела «Титаник» и увидела сцену, где Джек рискует жизнью, спасая Роуз, она наверняка глубоко прониклась бы эгоизмом Великого Принца — любить её значит хотеть, чтобы она жила полноценной жизнью. А не заставлять её идти на полную жертву ради своей чести, карьеры, будущего — даже если она делает это добровольно. В конце концов, в браке нет правила «жить и умереть вместе»; уважение и защита жизни и любимого человека превосходят личные интересы. Она не может быть просто пешкой в твоих расчетах на то, чтобы стать королем или святым.

У последних императоров была одна из самых жестоких традиций: казнить или довести до самоубийства всех наложниц, придворных дам и даже принцев и принцесс. Для умирающего человека забрать с собой в могилу несколько невинных душ — неплохая сделка. На самом деле это крайне эгоистичная опухоль. Не имея ничего своего, человек хочет, чтобы и другие ничего не получили, и поэтому убивает, убивает, убивает, разрушает, разрушает, разрушает.

Такой брак вызывает дрожь в костях. Ведь подразумевается, что один человек должен быть собственностью другого, в любой момент подчиняться его воле и распоряжению. В своей

сути такой брак противоречит любви. Например, мужчина, страдающий неизлечимой болезнью, может заразить свою жену или привести её к смерти. Потому что он убеждён: каждая женщина должна быть похожа на госпожу Интай, которая превратилась вместе с ним в бабочку, чтобы летать бок о бок и следовать за ним в жизнь и смерть.

На самом деле он ревнив, уязвим и нервен, у него глубоко укоренилась патологическая психика. В то же время у него есть невысказанное стремление к господству и контролю. Как только он обнаруживает, что больше не в силах ничего сделать с женщиной или утратил над ней контроль, он без колебаний поднимает над ней нож и безжалостно требует, чтобы она «успокоила» его.

Ему нужно, чтобы женщина в любой момент отчаянно доказывала: в её сердце он по-прежнему тот самый великий царь!

К сожалению, брак не всегда является для них игрушкой в их руках. Когда ростки равенства и взаимной любви крепко вырастут в высокие, устремленные в небо деревья, они обнаружат, что Ю Мэйрен неожиданно потребует развода. На самом деле, если анализировать это с точки зрения тёмной стороны человеческой натуры, мысли Великого короля Сян действительно бесстыдны.

Брак — это не украшение карьеры и славы, брак — это брак, юридический договор, действующий в течение определённого времени, а супруги — партнёры, а не хозяин и слуга.

9. Она сказала: «Мэн Цзянь, что я тогда такое?»

Говорят, что плач Мэн Цзянь не имел себе равных ни в прошлом, ни в будущем — он был сильнее даже взрывчатки TNT. Если бы не это, разве от Великой китайской стены, построенной первым императором Цинь, остался бы сегодня лишь жалкий маленький участок? Все это из-за ссорной Мэн Цзянь.

Мэн Цзянь была женщиной, а точнее — девственницей. Дело в том, что в свою брачную ночь, едва войдя в брачную комнату и не успев даже обменяться нежными ласками, её муж был уведён на строительство пограничных укреплений и уехал на несколько лет, не оставив ни слова. По-настоящему: ни живого не видела, ни мертвого не нашла. Мэн Цзянь не знала, что в газетах можно разместить объявление о розыске, что в суде можно подать заявление о признании брака недействительным, и тем более не знала, что после трёх лет разлуки брак автоматически расторгается. Так она и осталась: развестись не могла (ведь муж не развлекался с другими женщинами, не играл в маоцзя и не участвовал в азартных играх, а посвятил себя обороне страны, став государственным работником — это же большая честь), но и увидеться с ним не могла, словно живя в вдовстве при живом муже. Горы и реки разделяли их, дни тянулись бесконечно, а сколько раз девушке выпадает прожить свои 18 лет?

В народе есть специальная песенка, описывающая, как Мэн Цзянь двенадцать месяцев в году тосковала по мужу; это действительно было «печально, жалко, пронзительно» — «как можно описать это одним словом “горе”?» Из этого видно, насколько девушка в расцвете лет ненавидела брак, в котором она жила как вдова при живом муже, и насколько для неё это было хуже смерти.

В Трёх ущельях есть камень под названием «Камень, ожидающий мужа». Говорят, что одна девушка днём и ночью высматривала там своего мужа, ушедшего на рыбалку и не вернувшегося, и в конце концов превратилась в камень. Её муж, скорее всего, стал лакомством для акул или спутником Цюй Юаня. Но «одна девушка не может выйти замуж за двух мужчин», а оставаться одной дома в живом вдовстве она не хотела, поэтому ей не оставалось ничего другого, как превратиться в каменную статую.

Но великая Мэн Цзянь не могла с этим смириться.

Наконец ей пришёл в голову отличный предлог — отправить зимнюю одежду на фронт. Немощная девушка, не знающая ни одной буквы (хотя, может, и знала несколько), никогда не выходившая за порог дома, должна была в одиночку отправиться к пограничным укреплениям

— какое же мужество для этого требовалось! Какой бы невежественной она ни была, каким бы жестоким ни был Инь Чжэн, он же должен был понимать: нельзя же заставлять рабочих, строящих оборонительные сооружения, проливать кровь и пот, не дав им теплых вещей для защиты от холода! Если рабочие замерзнут насмерть, кто же будет строить Великую китайскую стену?

Поэтому отправка зимней одежды явно была лишь предлогом. Разве у государственных рабочих нет одежды? Тем более что Мен Цзян шила не золото-нефритовые одежды, ради которых стоило бы рисковать жизнью, отправляясь за десятки тысяч ли. Она явно хотела покончить с мужем раз и навсегда: либо вместе строить Великую китайскую стену, либо разойтись. В любом случае, прежний образ жизни — быть ни мужем, ни женой, вести жизнь в одиночестве — больше не мог продолжаться.

Она любила своего мужа; иначе, учитывая, что он уехал несколько лет назад и о нём не было никаких известий, она могла бы найти себе кого-то получше и выйти замуж за другого. Поэтому, как только она узнала, что её муж действительно погиб, а его тело так и не было найдено, её рыдания могли бы разрушить Великую китайскую стену на протяжении восьмисот ли. Хотя подобные беспорядки неизвестно сколько ещё таких же беспризорных вдов, как она, создадут, по крайней мере, её рыдания свидетельствовали о её полном разочаровании в браке. Если бы муж перед смертью позвонил или прислал телеграмму, я думаю, Мэн Цзян наверняка рыдала бы три дня и три ночи, но и только. В конце концов, мёртвый уже ушёл, прошлое не изменить, а будущее ещё можно наверстать. Она могла бы совершенно открыто выйти замуж, родить детей и стать добродетельной женой и заботливой матерью. Тем более что она была еще и неплохой девственницей.

Расстояние — это красота, а небольшая разлука лучше, чем новое бракосочетание — всё это подходит к Мэн Цзян, но вопрос в том, как такая прекрасная и нежная красавица могла бы вынести мучительное ожидание, не зная, чем оно закончится?

Красавица не выдерживает испытания временем. Если бы Мэн Цзян жила сегодня, она бы не согласилась стать «камнем, ожидающим мужа»; по крайней мере, она могла бы ещё раз поплакать у Великой китайской стены, а затем выйти замуж снова.

10. Она сказала: «Ню-лань, я доверяю тебе нашего ребенка»

«Между нами лишь река, а мы не можем обменяться ни словом», — в этот решающий момент на Небесной реке не было ни лодочника, ни рыбака. Ню-Лан, возможно, действительно вздохнул бы, что боги на небесах слишком ленивы и даже не понимают, насколько вкусен окунь и икра. Глаза — зеркало души. Коровий Парень открыл это зеркало, а Ткачиха и через 24 часа не собиралась опускать занавески. Жаль, что между влюблёнными, между супругами, одного лишь обмена взглядами, кажется, недостаточно.

К счастью, сороки пришли на помощь, и в ночь на Праздник Влюбленных они могут беседовать при свечах целых 12 часов. Но если супруги общаются всего одну ночь в году, это тоже очень страшно. Иногда я задумываюсь: о чём же разговаривают Ниуланг и Цзиньну в ночь на Праздник Влюбленных? Будет ли Ниуланг рассказывать, сколько му, он сегодня вспахал, на сколько *chī* вырос их ребёнок и сколько риса они собрали? А Ткачиха расскажет, сколько облачного шелка она соткала и сколько раз сломался ткацкий станок? Будут ли они, как супруги на земле, встретившиеся после долгой разлуки, обниматься и рыдать, не в силах сдержать слёз? Будут ли они говорить нежные слова? Например, поцелуются ли они?

Возможно, нет. Когда Ниу Лан ещё был пастухом, старый бык подговорил его подглядывать за купающимися девушками и смело украсть небесную одежду Ткачихи. Хотя Ткачиха, которую А-Ню рассмотрел с голой наготой, не обиделась на него, она осталась лишь для того, чтобы найти подходящий повод положить конец бесконечной жизни ткачихи на небесах.

Ткачиха вышла замуж за Пастуха лишь потому, что хотела сменить образ жизни на более увлекательный. Пастух мог дать ей ту свободу и самостоятельность, к которым она стремилась,

а также нормальную жизнь, о которой мечтает любая женщина: мужа, детей, еду и одежду... Поэтому, будь то Ма-Лан, Чжу-Лан или Ма-Лан, каким бы низким он ни был (например, подглядывающим за купающимися девушками) и каким бы нищим он ни был, если бы у него была свобода, острые ощущения и стабильность, Ткачиха вышла бы за него замуж, вышла бы, вышла бы. Поэтому, кроме труда и детей, между ними, похоже, не было ничего, о чём можно было бы романтично болтать три дня и три ночи напролёт.

Тем более между ткачихой из Небесного дворца и деревенским крестьянином из мира людей действительно слишком много вещей, о которых они не знают, не понимают и не догадываются. Эта пропасть между ними не может быть прозяна как на ладони за три дня и два вечера. В этом смысле счастье Коровьего Пастуха и Ткачихи заключается лишь в простой связи, напоминающей кратковременное побег, незаконное сожительство и рождение ребенка до брака. Со временем эти «непреодолимые» различия в культуре, географии и этнической принадлежности, подобно разгорающемуся пламени, поглотят те сожительские отношения, которые изначально не имели ни сватов (коровы не считаются законными свахами), ни юридических формальностей, ни признания со стороны семьи.

Трагизм и сопротивление, проявленные Ткачихой, когда небесные воины силой затащили её обратно на Небеса, гораздо более разумно объяснить не браком и любовью, а крайним страхом, отвращением и борьбой против прошлой жизни в неволе. По крайней мере, на том берегу реки был еще и глупый Бык, любующийся её облаками из парчи и бархата, с нетерпением ожидающий её благополучия и счастья, а также милые и невинные дети, о которых ей стоило беспокоиться и из-за которых она не могла уснуть по ночам. Такой брак — лучше, чем его отсутствие, поэтому Ткачиха не спешила заявлять Богине-Матери о своём желании развестись или провести чёткую границу между собой и Быком.

К сожалению, таких ткачих с столь скромными требованиями слишком мало. С такими нравами, кругозором и способностями, как у А-Ню, чем он заслужил право делить постель с богиней и сопровождать её до самой смерти?

11. Она сказала: «Донг-лан, супружеская жизнь — это не просто танец вдвоём»

«И больше не будут страдать от рабства» — счастье Дун Юна является счастьем именно потому, что Нефритовый Император ни за что не дал бы каждому мужчине в мире, готовому к браку, — даже такому неграмотному грубияну, как Дун Юн, — по одной богине в жёны. Такое можно встретить, но не добиться, поэтому это и называется удачей, счастьем. Неудивительно, что грубиян Дун в знаменитом отрывке «Супруги вдвоём возвращаются домой» поспешно поёт: «Я и моя супруга будем вместе навсегда». С такой богиней, обладающей безграничной магией, прекрасной, как цветок, и готовой, как маленький ягненок, «ты пахнешь поле, а я тку», «ты носишь воду, а я поливаю сад», как мог господин Дун не «быть вместе навсегда», а поступить как Чэнь Шимей, который сначала соблазнил девушку, а потом бросил её?

Держишь во рту — боишься, что растает, держишь в руках — боишься, что улетит, уверен, что старик Дун будет относиться к своей случайно «подборённой» жене-фее с трепетом и опаской, не смея сказать ей ни единого «нет». Ведь если этот парень осмелится не ценить своё счастье и начнёт ссориться с Седьмой феей, то его жена, будучи феей с безграничной магией, сможет применить небольшую уловку, чтобы он ни жить, ни умирать не мог. К тому же, стоит Седьмой фее лишь отмахнуться и уйти, как старик Дуонг вновь испытает «муки рабства». Это, без сомнения, то, с чем он меньше всего хочет столкнуться. Из ада в рай легко, а из рая в ад — трудно.

Неудивительно, что старик Ду прилип к Семи Феям, как гольян. Он должен быть готов, как служебная собака, в любой момент удовлетворить и выполнить любое требование Семи Фей. Помимо этого у него нет другого выбора. Перед широкой аудиторией разворачивается идиллическая картина: они идут рука об руку, живут вместе, едят вместе и трудятся вместе — вот такое «счастье».

Мы должны предположить, что любовь Семи феи к грубому старику Дун — это не шутка, не мимолетная прихоть в поисках новизны и тем более не попытка бросить вызов Небесному Императору или объявить войну Богине Матери — у девушек тоже бывает подростковый бунт, и когда он начинается, они могут зайти довольно далеко. Но, кроме этих причин, действительно нет лучшего объяснения тому, как такая Семи фея могла влюбиться в такого грубого старика Дуна?

Возможно, нам следует простить Семи феям их юношескую влюбчивость и то, что в отчаянии они готовы были согласиться на что угодно. Более того, нам невольно становится жаль, что когда у Семи фей пробудились первые чувства и они сбежали на землю, первым, кого они встретили, оказался именно этот грубый, высокий и широкоплечий (хотя и довольно симпатичный) «честный» Дун? В том возрасте она ещё не встречалась с парнями, не вступала в ранние романтические отношения и не получала полового воспитания, поэтому неудивительно, что она «попала в лодку» Дун Юна. В общении с людьми, с мужчинами, с зрелыми мужчинами Седьмая фея была действительно слишком наивна и поспешна. Вскоре она обнаружит, что мужчина, который «прилипает» к женщине и умеет только носить воду и пахать землю, для такой красавицы, как Седьмая фея, совершенно недостаточен. По крайней мере, он должен был бы спеть пару песен — «Песню юности» и «Серенаду любви».

Семифея наверняка будет ругать Дун Юна, упрекать его в отсутствии целей, беспомощности и ничтожности; ругать за то, что он целыми днями тусуется с женщинами и, привязанный к ней, не добивается ничего в жизни. По крайней мере, он должен был бы приобрести несколько сотен мулевой земли, обзавестись несколькими поместьями, нанять кучу слуг и служанок, стать каким-нибудь помещиком-богачом, чтобы фея могла наслаждаться беззаботной жизнью.

Брак не должен быть замкнутым дуэтом, нельзя смотреть только на партнера и бездумно наслаждаться жизнью, полагаясь на его способности. Это не только наскучит, но и заставит партнера презирать тебя. Как только это происходит, брак, как правило, подходит к концу.

Но, как ни странно, всё обстоит иначе.

12. Она сказала: «Шимей, какая ты жестокая!»

«Даже честный судья не может разрешить семейные споры» — в ту эпоху, когда Бао Хэйцзы без разбора казнил людей тремя большими гильотинами, брачное право, должно быть, было ужасным. Иначе как бы господин Шимей мог оказаться обезглавленным за то, что завел любовницу, и умереть с беспокойной душой? Справедливость старого Бао в вынесении приговоров подтверждается его славой «Голубого неба», но от ответственности за то, что он заменил гражданское право уголовным и «безосновательно казнил заключённых», ему, пожалуй, трудно отделаться. Если взять в качестве примера казнь заключённых с помощью гуманов, то, с одной стороны, она была более эффективной, чем расправа палача, а с другой — существовала строгая иерархия гуманов («драконий», «тигриный», «собачий»), так что даже смерть у каждого была «соответствующей его статусу».

Товарищи, ознакомившиеся с делом о казни Чэнь Шимея, наверняка не раз восхищались образом «голубого неба» Бао Хэйцзы. Ведь такого коварного, жадного до наживы и лживого человека, как Чэнь Шимей, просто нельзя было не казнить, чтобы успокоить народное возмущение.

Чэнь, завоевавший звание «чжуанюань» после десяти лет усердных учений, изучавший книги мудрецов и сдавших экзамены на получение титула, изначально был одним из главных претендентов на звание «десятки выдающихся молодых людей», а его карьерные перспективы были безграничны. Жаль, что первым делом этот молодой человек скрыл от организации факты о своём браке и даже солгал самому императору, заявив, что у него нет ни жены, ни семьи, чтобы таким образом втереться в доверие к императорской семье, совершив тем самым тяжкие преступления: обман императора, двоеженство и измену. Зря он читал книги мудре-

цов: что такое стыд и честность, что такое соответствие слов и дел, что такое верность правителю, что такое верность и добродетель — куда же все это делось у нашего студента Чэня?

Если бы в династии Сун разрешались разводы, Ши Мэй, пожалуй, не осмелилась бы об этом и упомянуть. Разве принцесса вышла бы замуж за «подержанного», за подлеца, который сначала ввёл её в заблуждение, а потом бросил, за бездушного и несчастливое человека? Огонь не утаишь в бумаге: Ци Сянлянь, как законная супруга, с полным правом, таща за собой детей и рыдая, явилась к нему. Разве у старика Чена не раскрылась ложь, а его махинации не были разоблачены?

И вот тогда этот парень сделал ещё один ошибочный шаг: в приступе безумия он нанял убийцу, чтобы убить свою жену, надеясь таким образом скрыть правду и навсегда наслаждаться богатством и почестями. Это уже перебор — умышленное убийство, за которое полагается смертная казнь. Если бы у убийцы не случилась техническая неудача, если бы он внезапно не проявил совесть и не отказался от задуманного, разве семья Цинь не осталась бы навсегда призраками? То, что он ради богатства и славы способен безжалостно убить свою законную жену и любимого сына, показывает, что Чэнь Шимей уже давно не тот «А-Мэн», каким был когда-то. Он превратился из полного энергии и энтузиазма, преданного и честного предпринимателя в хладнокровного убийцу, готового на все, чтобы защитить своё положение, репутацию, интересы и власть.

Брак для него стал лишь политическим инструментом, служащим для приобщения к власти имущим и получения как славы, так и богатства. Ци Сянлянь хотела преградить ему путь, разрушить мост, раскрыть его прошлые грехи и вернуть его к истинной сущности. Естественно, он рассматривал её как врага — эти старухи просто отвратительны.

Не все браки заключаются из любви; браки, основанные исключительно на любви, не только не существуют, но и обречены на кратковременность — как в случаях с Лян Чжу и Ромео с Джульеттой, у которых, кроме самоубийства из любви, не было другого выхода. Но и полностью утилитарный и инструментальный брак чрезвычайно опасен. Ведь в этом мире существует множество путей к достижению своих целей, и каждый раз, делая выбор, человек сталкивается с необходимостью отрицать прошлое или даже полностью его стереть. Поэтому, независимо от того, пришла ли Цинь Сянлянь к нему, чтобы покончить с собой, логика Чэнь Шимея, вероятно, была бы такой: нельзя допустить, чтобы весь мир узнал, что у старого Чэня есть ещё одна законная жена из деревни, что он, оказывается, отец сына и дочери! Это — ключ к достижению его корыстных целей, и никому нельзя позволить в это вмешаться.

Единственный способ сохранить эту тайну — отправить жену и детей в мир иной. Просто рано или поздно.

Больше всего страдают две невинные женщины, но возможность покончить с стариком Чэном, возможно, тоже является счастьем. По крайней мере, им больше не придётся оставаться в неведении, позволяя ему играть на двух фронтах.

13. Она сказала: «Баоюй, ты же всеобщий любимец»

«Маленькая пчелка, сидящая среди цветов», — и ещё: «Когда горные цветы расцветут, он будет смеяться среди них». Все это можно сказать о студенте Цзя Баою. Если судить по тому, насколько студент Баоюй окружён женским вниманием, заботой и лаской, он, безусловно, привлекает больше внимания, чем поп-звезды из Гонконга и Тайваня. Он — настоящий кумир: не говоря уже о его изящной осанке, он, естественно, обладает и огромным талантом; его ловкость в общении с госпожой Ван и умение заискивать перед великой матушкой Цзя — всё это присуще сыну из влиятельной семьи.

В Большом саду всегда существовала естественная иерархия, в центре которой находился Баоюй. Если просто посчитать соотношение мужчин и женщин на квадратный метр, то здесь наблюдается поразительное преобладание женщин над мужчинами. В этом огромном саду, в доме семьи Цзя, где бушует юность, мужчина, обладающий такой же привлекатель-

ностью, демократичностью, властью и талантом, как Баоюй, можно пересчитать по пальцам: это и есть сам Баоюй. Поэтому Бао Юй стал востребованным «любимцем публики». Умелый автор в конце концов лишь вскользь упомянул о его браке с сестрой Бао, сложившемся «случайно», иначе книгу было бы невозможно ни писать, ни читать дальше. Когда кумир женился, поклонники — фанаты музыки, кино и поэзии — перестали ревновать друг к другу, перестали с безумной страстью преследовать его, любить его и думать, что без него не смогут жить.

Сестричка Ли, однако, влюбилась именно в этого всеобщего любимца и убедилась (после неоднократных проверок и испытаний), что он тоже любит её в каждый миг. На самом деле это большое заблуждение. Сестричка Ли не подталкивала Баоюя к карьере и богатству; он считал, что она не из тех, кто руководствуется мирскими соображениями. Лин-сестра писала стихи так же прекрасно, как и он сам; он считал, что она обладает выдающимся талантом и вовсе не заурядная. Бао Юй оглядывался вокруг: какая ещё девушка могла бы так же, как Лин-сестра, идти ему на встречу, потакать ему, дарить ему свободу и страсть (а заодно и доставлять ему неприятности)?

Если бы круг знакомых Баоюй был таким же широким, как у Цзя Ляня, и он мог бы размещать объявления в газетах или давать объявления о поиске супруги по телевидению, то сестра Линь наверняка не прошла бы отбор. Ведь девушек, способных дать ему такую же свободу, как сестра Линь, было бы слишком много, да и к тому же они не обязательно были бы такими язвительными, такими ревнивыми, такими слабыми и болезненными, такими склонными при каждом удобном случае сочинять «Песнь о погребении цветов» или «Стихотворение о погребении травы». Это так грустно, что не хочется жить.

Любимец публики не подходит для брака: если он женится, его кумир умирает. В результате девушки из Большого сада либо вышли замуж, либо умерли, либо заболели, либо стали монахинями, либо вышли замуж за иностранцев — вокруг царила атмосфера веселья и радости, но на самом деле это было ужасно. В конце концов, кумир тоже ушел в монастырь и стал монахом.

Ошибка сестры Линь заключалась в том, что она влюбилась в всеобщего любимца Цзя Баоюя. С её ревностью, её мелочностью, её зависимостью от чужого крыша, её туберкулёзом, её поэтической душой... как она могла влюбиться в Баоюя — того, кого все считают «мужем» (предполагаемого будущего супруга)? Нельзя вызывать гнев толпы: кто осмелится так нагло и беззаботно монополизировать любовь всего народа? Разве она не обзавелась медвежьим сердцем и леопардовой смелостью?

И действительно, ей всегда приходилось страдать больше всех. Если бы автор соединил Баоюя и Дайю в пару, «Сон в красном павильоне» превратился бы в настоящую комедию. Ведь полностью приручить всеобщего любимца и сделать его личным питомцем — даже с магией сестры Линь — было явно не по силам.

Идеальным вариантом было бы, если бы Бао Юй не женился, женился в пожилом возрасте или вступил в тайный «незаконный союз», но разве гордая сестра Линь согласилась бы на это? В противном случае она не погибла бы так трагически.

14. Она сказала: «У Да, мы действительно не подходим друг другу»

Стремление к красоте присуще каждому человеку. Точно так же присуще каждому и стремление избегать уродства. Если цветок по несчастью оказался на коровьем навозе, должен ли он воспользоваться питательными веществами навоза, чтобы буйно расти, или же переселиться «с навоза» к другому объекту любви, обязательно устроившись на куче карбамида или мочевины?

Столкнувшись с такой свахой, как Ван По, которая и принесла ей успех, и обрекла на поражение, наша госпожица Пан, юная Цзиньлянь, сделала выбор, не оставляющий пути к отступлению. Она выбрала Симен Цин не только потому, что он был богат, нежен и обходителен, но, что более важно, Симен Цин вернул ей уверенность в себе как женщине и счастье. У

У Да был брат-мясник, способный тремя ударами кулака и двумя ударами ногой убить тигра с подвешенным на лбу знаком, и госпожа Цзиньянь об этом знала. Можно сказать, что сцена с брызгами крови в «Львином павильоне» заранее входила в её расчёты и планы. Тем не менее, она всё же пошла за господина Симен. Дело не в том, что она не боялась преступного мира, а в том, что она считала: «Не прошу вечности, но хочу, чтобы это когда-то было» — это тоже неплохо.

Судьба играет злыми шутками: такая нежная и изящная девчонка из семьи Пан оказалась в паре с «лепешником», который «не дотягивается до стола, когда сидит, и не укладывается на скамейку, когда лежит». Стрельба Купидона и пронизательность старухи Ван просто уморительны. Хотя героев и не судят по внешности, профессии или облику, хотя красавицам часто суждена короткая жизнь, а красавицы чаще всего спят с некрасивыми мужьями, то, насколько Пань Ву не соответствует ей, — это уже слишком «божественное творение» и «выходит за пределы времени и пространства».

Ещё смешнее то, что старик У с полной серьёзностью взялся за роль мужа, а в мире не нашлось ни одного героя, который бы выступил в защиту справедливости. Если бы не эта проклятая оконная перекладина, ударившая господина Симен так же, как яблоко ударило Ньютона по голове, то, боюсь, мисс Пан прожила бы всю жизнь с этим сожалением.

В конце концов, У Сун — воин. Будь то братская верность или супружеская верность, его топор всегда обрушивается на прелюбодеев и распутниц. Убивая «собачьих мужчин и женщин», У Сун испытывает такое же удовольствие, как будто избавляет народ от бедствия. Естественно, он и не думает о настоящей причине, по которой красавица «вылезла за стену» — её брак принёс ей неизгладимый позор и унижение, брак исказил её мир. Её увлечение Си Мэнем не было, как гласят городские слухи, ни изменностью, ни бесстыдством, и не было мстью У Да. Она просто хотела осуществить мечту, которую может иметь любая нормальная женщина: насладиться радостью, которую дарит ей мужчина.

Если госпожа Пан заранее знала об этом, зачем ей было тогда так поступать? Раз она так ненавидела этот брак, зачем ей было выходить замуж за продавца лепешек, чтобы потом «перебежать» к другому?

Что именно произошло тогда, остаётся неясным. Возможно, старуха Ван съела слишком много лепешек У Да и, не имея денег, чтобы заплатить, нашла ему молодую девушку в качестве расплаты. А может быть, госпожа Пан по ошибке приняла У Эр за У Да и перепутала жениха. Даже если это и была ошибка госпожи Пан, то люди бывают недальновидны, а лошади спотыкаются — тем более для такой девицы, как госпожа Пан, которая никогда не выходила из дома и полностью полагалась на сваху и родителей.

Жаль, что в то время в Токио ещё не знали, что такое развод. Если бы знали, думаю, мисс Пан точно не осталась бы у печи У Да, только ради того, чтобы всю жизнь бесплатно есть лепешки. Она наверняка развелась бы, ведь когда брак становится для женщины позором и унижением, сам этот брак становится предметом проклятия. Конечно, это несправедливо по отношению к У Да: не разведясь, он, по крайней мере, «не удержал бы её сердце, но удержал бы её тело», и не остался бы в убытке.

Если У Да действительно так думает, это доказывает, что он вообще не понимает ни женщин, ни брака. И у мисс Пан появляется ещё больше причин, чтобы попроситься с ним.

15. Она сказала: «Укун, ты всё ещё ребёнок»

Укун должен ненавидеть, в первую очередь, мужчин. Например, Тайбай Цзиньсин, который соблазнил его стать Бимавеном и стал предметом насмешек на веки вечные; Небесного Императора, который, желая удовлетворить свою похоть, приказал трём тысячам небесных воинов и генералов уничтожить пещеру «Водяной занавес»; Будду Рула, который устроил ловушку и обманом запер его на 500 лет, и так далее. Если продолжать этот список, он, боюсь, заполнит всю Южную Небесную Врата.

В первую очередь он должен быть благодарен женщинам, например, сестре Гуаньинь, сестре Цзыся и другим. Без них он до сих пор пел бы под горой Учжи песню «Я люблю гору Учжи».

Однако он безмерно любил монаха Тан, монаха Ша и монаха Чжу (хотя, если бы не любил, заклинание «Жесткий обруч» уже давно унесло бы его жизнь!), а к женщинам, встречавшимся ему на пути — будь то красавицы или уродливые, от восьмидесятилетних старух до семилетних девочек — он при малейшем поводе поднимал свой Золотой обруч и с громким криком бросался на них: «Чудовище, попробуй выдержать удар моего старого Сунь!» Несмотря на то, что в большинстве случаев оказывалось, что обезьяна поступала правильно, его особая ненависть к женщинам осталась в памяти многих.

Не умея отличать добро от зла и обожая размахивать копьем и палкой, он, увидев одну женщину-демона, решил, что все женщины на свете похожи на демонов. Такая обезьяна, не имеющая ни капли философских знаний, — настоящий ребёнок, проблемный ребёнок с серьёзными «гомосексуальными» наклонностями и синдромом гиперактивности. Что касается понимания женщин, то ему, пожалуй, придётся начать учиться с уроков гигиены во втором классе начальной школы. Это также доказывает, что физическая зрелость не равна зрелости в вопросах брака.

По сравнению с опытным развратником Чжу Бацзе, у которого впереди была сестра Чан'э, а сзади — девчонка из семьи Гао, и который по пути срывал все цветы и заигрывал со всеми девушками, Укун, без сомнения, является любовным простаком. Если бы не «Великое путешествие на Запад», где ему навязали скандальный роман, этот парень, пожалуй, даже после того, как стал бы буддой или бессмертным, все равно с горечью сетовал бы на свою любовную жизнь — пустую и безлюдную, какую-то унылую и печальную. Дело не в том, что у него не хватало смелости в любовных делах, и уж тем более не в том, что у него не было успеха у женщин: ведь кто осмелится открыть душу обезьяне, которая при малейшем поводе начинает избивать и убивать женщин?

Став королём горы, Великий Король часто занимался тем, что захватывал себе главную жену — точно так же, как Чжу Бацзе нес свою невесту на спине, — открыто и без обиняков. Но когда Обезьяний Брат стал Красивым Королём Обезьян, он подружился с Быком-Головой, целыми днями дрался и убивал, и у него вообще не было желания захватить себе жену и завести гнездо маленьких обезьяньих королей. Это также доказывает, что Обезьяний Брат прожил эти несколько сотен лет зря: он даже не понимает, что такое подростковый период. Он действительно остался наивным ребёнком, играющим за порогом брака — он всё ещё мечтает истреблять демонов и приносить мир и спокойствие в мир. Разве это не вопросы, которые волнуют только детей?

Если бы кто-то вышла замуж за Укуна, был бы их брак счастливым?

Нет, ведь Укун — это всё-таки ребенок с высоким IQ, но низким IQ, который бросает громкие слова и совершает глупости!

Он умеет только разрушать, но не умеет созидать. Он знает только, как брать, но не знает, как отдавать.

Разве не жестоко и не смешно ожидать, что такой ребёнок поймёт, что такое любовь, что такое семья, что такое ответственность, что такое карьера? Он, наверное, сделает гримасу, а потом скажет жене: «Я пойду точить Золотой обруч, я отточу его до размера иглы, чтобы ты могла вышивать».

Возможно, его карьера будет блестящей, и всё пойдёт как по маслу, но он не станет идеальным мужем. Неудивительно, что из четырёх учеников и учителя девушки в первую очередь отвергли именно того великого героя и доблестного воина, который не знал себе равных под небом, мог подниматься на небеса и спускаться в преисподнюю, вызывать ветер и дождь, летать на облаках и быть непредсказуемым — Сунь Укуна!

В конце концов, он всё ещё ребёнок, и ему предстоит ещё 1000 лет, чтобы повзрослеть.

16. Она сказала: «Свинья, ты сегодня уже бросила курить?»

В небольшой четвёрке, отправлявшейся за Священным Писанием на Запад, обязанности Тан Сэна заключались в том, чтобы ездить на лошади, питаться вегетарианской пищей, подвергаться обману или плену со стороны демонов, выступать в роли представителя людей, а также произносить заклинание «Жингу» и петь «Only»; обязанности Сунь Укуна — разведывать путь, просить милостыню, лезть не в своё дело, подниматься на небо и спускаться в преисподнюю за помощью, а также кататься по земле, подвергаясь заклинаниям; обязанности Ша-Ханша же были весьма просты — нести ношу, вести лошадь, следить за багажом, есть, получать побои и убивать мелких демонов. Ун-Кун — нападающий, Тан-Сэн — центральный полузащитник, а Ша-Хан — опорный защитник. Рахунок Гуаньинь уже был очень точным, но в этот момент она выставила на поле новую фигуру. И вот на сцену вышел уродливый чужак с головой свиньи и телом человека, Чжу Бацзе, мистер Неспособный.

Свинья казалась лишней, но очень скоро она тоже нашла свою роль — свободный игрок на всей площадке, суперзапасной и развлекатель публики. Если бы не появление Небесного Маршала Тяньпэн, Укун задохнулся бы от скуки, Танцзы умер бы от злости, а Шацзы умер бы от усталости. Но у него, в конце концов, было множество проступков: он дразнил Чаньэ, похитил госпожу Гао, был обжорлив и ленив... Он буквально соединил в себе слабости богов, людей, свиней и демонов.

Однако Гуаньинь не наложила на него «жесткий обруч», поскольку у него не хватило ни способностей, ни смелости устроить бунт в Небесном дворце и вступить в магическую схватку с Буддой. Поэтому Тан Сэн дал ему прозвище: Ба Цзе! Что именно он должен «ограничивать» — об этом не говорится, но я полагаю, что в основном это касается отказа от курения и алкоголя, от посещения публичных домов и азартных игр, от гнева и лени, от тайного накопления денег и от привычки бросать начатое на полпути...

К сожалению, свинья всё-таки не был образцовым монахом: по крайней мере, его похотливые помыслы и смелость, подобно тайным сбережениям в ушах и всегда пустому животу, «сохранялись до самого финального свистка». Для демонических существ, разве не было бы радостью покорить войско Ба Цзе без боя? Каждый раз, когда Бацзе решался сказать: «Мне всё равно», его тут же связывали в узы и он пускал в штаны от страха. Странно, но он был очень забывчивым: как только рана заживала, он забывал о боли. Стоит ему увидеть красавицу, которая часто бросает ему кокетливые взгляды и активно флиртует, как у него сразу же начинает течь слюна, и он, как одурманенный, бросается на неё. Результат, конечно же, предсказуем: он получает пощечину, становится пленником и, рыдая, вызывает к «Брату Обезьяне».

Есть такая поговорка: «Чжу Бацзе смотрится в зеркало — ни с одной, ни с другой стороны не человек». На самом деле, в одном опросе девушки отдали массу похвалы и восхищения именно этому шутнику, бесполезному и полному слабостей «Великому Богу Граблей». Похоже, он обладает наибольшим брачным шармом, о чём свидетельствуют многочисленные поклонницы Бацзе.

Однако если по-настоящему заговорить с ним о любви и браке, то и до Бацзе, и после него он, похоже, становится для женщин как кегля в боулинге, от которой они боятся не успеть отпустить. Об этом свидетельствует то, что сестра Чаньэ, охраняющая холодный дворец на Луне, не заводит романов с Тяньпэном, а дочь семьи Гао держится от Бацзе на расстоянии вытянутой руки и не вступает с ним в интимные отношения. Не говоря уже о Стране дочерей, где все жительницы без ума от Тан Сэн: как бы Бацзе ни заискивал, девушки воспринимают его лишь как хряка в период течки. Проблема «свиньи» — это, по сути, проблема мужского поведения.

Он настолько скучен и отвратителен, что, по сути, «главное, чтобы она была живая и была женщиной» — и он уже начинает пускать слюни и приставать. Это же слишком «беспо-

рядочно». Не говоря уже о том, что если бы она действительно вышла замуж за такого неспособного мужа, который за один присест съедает 18 ведер, только ест и не работает, да ещё и с плохим характером, — было бы странно, если бы она не умерла от злости.

Его глупость, недалёковидность, слабость и нелепые высказывания, возможно, заставляют тебя, сидящую перед экраном, хохотать до слез, но если он действительно залез бы к тебе под одеяло и стал бы к тебе приставать, ты бы, конечно же, закричала от ужаса. Не веришь — спроси у мисс Гао из деревни Гаоцзяцзан, и ты все поймешь.

Мужчина с множеством недостатков не обязательно плохой человек, но мужчина с небольшим количеством достоинств точно не будет хорошим мужем — как, например, господин Чжу Бацзе, известный как «Свиной принц».

17. Она сказала: «Тан Санцзан, вера для тебя важнее меня?»

Даже без поощрения сестры Гуаньинь те, кто мечтает стать членом семьи монаха Тан Саныцзана, наверняка выстроились бы в длинную очередь у подножия горы Путо. По крайней мере, в день, когда монах Тан уйдет из жизни, он сможет составить завещание, в котором заявит, что отдает свои останки семье и потомкам для приготовления на гриле. Говорят, что даже глоток бульона Тан Саныцзана дарует вечную жизнь, не говоря уже о том, что из его мяса можно сделать фрикадельки — по кусочку на каждого. Если не съесть всё сразу, с одной стороны, можно было бы на этом заработать, обогатив семью и себя; с другой — хранить в холодильнике, чтобы потомки могли наслаждаться этим в будущем. В итоге семья Санцзана превратилась бы в огромный род «черепах», которые только рождаются, но никогда не умирают, обладая долголетием черепах и журавлей.

Пожалуй, девушек, искренне желающих соединить с ним свою жизнь и не испытывающих ни малейшего интереса к его плоти, кроме правительницы Страны дочерей, найдётся крайне мало. Откройте «Путешествие на Запад» на любой странице — все без исключения демоницы и ведьмы, кем бы они ни были, изо всех сил стремятся съесть плоть Тан-цзан. В лучшем случае они прибегают к схеме «сначала изнасиловать, потом убить» или «сначала совокупиться, потом сварить», но в конечном итоге всегда возвращаются к цели — съесть плоть Тан-цзан. Даже правительница Страны дочерей не может гарантировать, что она не использует «уловку красавицы». Как только Тан-цзан окажется в её «постели», разве он не станет тогда как курица или утка в клетке, ожидающая забоя?

Проблема Тан-цзуна заключается в том, нужна ли монаху сексуальность, нужны ли ему женщины; это вопрос определения его статуса — человека или божества, а также вопрос веры. Конечно, он человек: ему нужно есть, проявлять милосердие и произносить заклинание «Жесткий обруч» для своенравного обезьяны. Но в то же время он обладает немалой «божественной» силой: Гуаньинь предначертала его судьбу, а ученик обеспечил ему безбедную жизнь. Поэтому ему остаётся лишь открывать рот, ездить на лошади, произносить заклинания и поклоняться Будде — о всём остальном ему не нужно беспокоиться. Таким образом, кроме того, что он является наставником, ему почти ничего не нужно делать, и, естественно, он ничего и не умеет.

Для Укуна он — тупица, слабоумный, зануда и при этом представитель власти, с которым Гуаньинь заключила договор о получении священных писаний. Для Бацзе он — монах, обычный человек, немного туповат и при этом бездельничающий аристократ. Для Ша Сэнга он — учитель, связанной с Западным Небом, руководитель экспедиции за Священными Писаниями и охранник. Для Маленького Белого Дракона он — рыцарь с мускулистым телом, у которого на заднице никогда не появляются геморроидальные узлы, всю жизнь проводящий в седле, а также угнетатель.

Он жил ради веры и всегда был готов умереть за неё.

Его вера — это сестра Гуаньинь, великая милосердная и сострадательная, спасающая от страданий и бедствий.

К счастью, он монах, ему не нужно жениться, или же он просто ждёт, пока организация устроит его. На самом деле, женщины ему лишние. За исключением Гуаньинь — этого влиятельного, могущественного и обладающего магической силой кумира — он почти ко всем женщинам относился с холодностью, держась на расстоянии не менее 3 chi. Ведь он знал, что женщины мастерски используют «уловку красоты» и все без исключения хотят отведать его плоти — использовать его мясо для горячего супа или приготовить на гриле, что гораздо интереснее, чем болтать с монахом о любви и романтике, тем более что один кусочек может продлить жизнь, укрепить инь и усилить янь.

Он не позволял женщинам мешать его великому делу — сбору Священных Писаний — и его великой цели — достижению просветления здесь и сейчас. Он должен был терпеть, терпеть и терпеть снова. Хотя ему и хотелось обнять тонкую талию правительницы Царства Дочерей, станцевать с ней вальс или диско, спеть песни «Цветы в полном расцвете, луна в полном сиянии» и «Дружба вечна, как небо и земля», вера, словно ядовитый червь, мучила его. Все свои порывы — включая сексуальные, любовные и романтические — он превращал в повторение заклинания «Жемчужного обруча», чтобы излить их, мучая другую обезьяну, у которой никогда не было ни веры (ни сексуальных порывов). Независимо от того, тосковали ли женщины по нему или по его плоти, он должен был сложить ладони и нарочито восклицать: «Амитабха, блаженно, блаженно». А в душе он шептал: «Хорошо, хорошо».

Он не женится и не разводится, если только сестра Гуаньинь не прикажет.

18. Она сказала: «Угорь, ошибки нового хорошего мужчины»

Он всегда молчал, всегда трудился, как муравей, рискуя жизнью, и суетился, как пчела. Он выполняет самую простую работу: носит грузы на ношах, ведёт лошадей, перевозит багаж, остаётся на страже, ведёт счёты... На своей скромной должности он делает самые обыденные вещи, играя самую заурядную роль. Он предан до конца, он идёт сквозь дождь и ветер, он трудится без жалоб, не теряя при этом своего мужества; когда приходится сражаться с мелкими демонами, он так ловко кружит своим дзенским посохом, что у зрителей кружится голова.

Кто он?

Он — настоящий «новый идеальный мужчина» эпохи Гуаньинь и лет поиска Священного Писания, бывший генерал-занавесник Небесного дворца, повелитель реки Люша, Великий Десан — Ша-Хуан, он же Ша-Уцзин.

Пролистав всю «Путешествие на Запад», можно сказать, что самым образцовым персонажем, у которого нет ни малейшего романа и ни капли скандала, является именно господин Ша. У Ба Цзяй были Чанъэ, госпожа Гао и множество демониц. У Тан Сэнга были запутанные отношения с правительницей Страны дочерей, Великим Даосом Паньси и Белокостной Девой. Даже этот «волосатый монах» Укун имел роман с сестрой Цзыся. Только у него не было ничего!

Это ли опечатка товарища У Чэнэна, или же сам господин Ша просто лишен харизмы? Посмотрите на его крупное, крепкое и мускулистое тело, на его сексуальную бородку в стиле Бен Ладена, на его развевающиеся длинные волосы, как у римского принца Тоти, на его глубокие глаза, как у Маркса и Эйнштейна... Справедливости ради, он — самый мужественный из всех.

Что же касается его способностей и трудолюбия, то они ещё больше соответствуют стандарту идеального мужчины, который «и в гостинной, и на кухне одинаково хорош». Он был бухгалтером в отряде, отправлявшемся за Священными Писаниями, что свидетельствует о его внимательности к деталям и развитом уме. Он также был хранителем общественного имущества, что говорит о его чётком разграничении личного и общественного, честном характере и заслуживающем доверия. Кроме того, он выполнял черновую работу, что свидетельствует о его трудолюбии и терпеливости, а также о добродушном и мягком характере. Как же у такого замечательного мужчины не было никаких слухов о романах?

Мир похож на женщину — это просто нелогично! Ша Сэн — настоящий Цюй Юань в отряде, отправляющемся за Священными Писаниями, и Ду Э среди Четырёх Великих Небесных Королей. Он обладает всеми талантами и достоинствами выдающегося мужчины, но не может ни привлекать внимание женщин, ни заводить романы — он остаётся холостяком до конца своих дней.

Если бы я была женщиной, даже такой уродливой, как Чжун Вуянь, вряд ли бы я рассмотрела предложение Ша Сэнша, который простоял на коленях у моих ворот девяносто девять дней. Разве бывает на свете такой идеальный мужчина? И разве такой идеальный мужчина — это ещё мужчина?

Я надеялась, что когда я ошибаюсь, он будет грубо ругаться, а то и вовсе разбивать вещи. Но он молчит и берёт всё на себя. Когда я капризничаю, я хочу, чтобы он отчитал меня, но он по-прежнему потакает мне во всём. Он способен избаловать любую женщину. Его понимание женщин сводится к двум словам: «покорность». Так он относится к сестре Гуаньинь, так — к Матери-Царице, так — ко всем женщинам под солнцем.

Ему не нужно, чтобы женщины вмешивались — он сам со всем справится. Единственное, что нужно делать женщине, — это есть яблоки и рисовые лепешки у алтаря. По отношению к организации он всегда послушен и подчиняется. Он никогда не пойдёт наперекор власти имущим, всегда молча отдаёт свою судьбу в чужие руки.

Он доволен ролью второстепенного персонажа, тени, и изо всех сил стремится к такой роли.

Он никогда не станет тираном и тем более не доведёт Юй Мэй до самоубийства.

По отношению к женщинам, как и ко всему миру, единственное, что он умеет и способен делать, — это подчиняться и терпеть. Неудивительно, что даже демоница не обращает на него внимания.

Девятнадцать. Она сказала: «Чёрный Вихрь, любовь — это не порыв ветра»

Зрители, видевшие, как Ли Куй убивает врагов, наверняка почувствовали холодок по спине — он страшнее даже Бен Ладена. С двумя огромными топорами в руках, с густой бородой, обнаженной грудью, глазами быка и ослиным ревом: «Убивайте, убивайте!» — это удовольствие ничуть не уступает тому, что он испытывает, рубя огурцы и резая овощи. Если бы между мужем и женой завязалась драка, дедушка «Чёрный Вихрь» наверняка обрушил бы на неё град кулаков, так что она разбросала бы зубы по всему полу. Поэтому у него и не было ни одной жены, ни одной наложницы. Причина в том, что этот парень — злой бог из числа «Небесных союзников и Земных демонов», его ярость слишком велика. Любая, кто вышла бы за него замуж, была бы как будто вышла замуж за самого Януса.

Сам господин Хэй тоже знал, как вести себя, и добровольно оставался холостяком, обращаясь к другим: «Брат Сун», «Брат Линь». Даже когда из горных крепостей привозили новых девушек, он не хватал топор, чтобы сам себе выбрать, а просил брата Гунмина выделить ему одну; в противном случае он грозился разрубить топором зал «Собрания праведников». В этом отношении он был до конца революционером и пролетарием.

В его сердце было место только для двух человек: один — босс мафии, главарь повстанцев — Сун Гунмин, Сун Цзян, а другой — его мать. Когда мать стала закуской для тигра, проблема сыновней почтительности была окончательно решена. Верность и честь стали для него единственной радостью и причиной жить. Если бы «Чёрный Сун Цзян» умер, он бы тоже не смог жить дальше, неудивительно, что он говорил: «Примирение, примирение, какого черта примирение!»

Такой опрометчивый, отважный и полный уверенности в себе босс преступного мира, естественно, презирал женщин. За рубежом «Вода-у-Ху» называется «История 107 мужчин и одной женщины». Из этого видно, что сам старик Ши придерживался «патриархальных взглядов», и его произведение далеко не так полно весеннего блеска и ярких красок, как «Путеше-

ствие на Запад», написанное его учеником У Чэнэном. Поэтому проблема холостяцкой жизни товарища Ли Куя на самом деле является весьма почетной. Достаточно взглянуть на революционный путь таких персонажей, как Линь Чун, Лу Цзюньи и Ян Чжи, которые из людей с целыми толпами жён и наложниц превратились в одиноких мужчин, чтобы понять: верность и честь на горе Ляншань должны подкрепляться именно холостяцким образом жизни. Ты холостяк, я холостяк — целая толпа холостяков, не занимающихся гомосексуализмом, — и всё потому, что есть два слова — «верность» и «честь», которые можно с юмором обсуждать и к которым можно стремиться.

Лианшань — это не нормальное общество, он похож на древнегреческий стадион, где женщинам вход запрещён. Он будет нервничать, не сможет уснуть по ночам, будет серьёзно избивать жену, наказывая жену и детей так же, как Гао Ю и Тун Гуан.

В любой момент он может достать заржавевший топор, точить его и точить, вспоминая те «горячие годы», полные блеска мечей и клинков, когда он убивал людей как на беговой дорожке. Ему будет всё не по душе. Возможно, он, как Дон Кихот, сбежит из дома в поисках давно утраченных лет на Ляншане.

Любовь и брак — всего лишь обряд, мимолетный ветер. Для Ли Куй весь его мир — это беззаботное разгульное существование, грубая простота, когда он с аппетитом поглощает мясо и пьет из больших чаш, это чувство удовлетворения от того, что «пусть даже миллион человек стоит на пути — я все равно пойду», это личный героизм, когда сносить головы целых армий — все равно что достать что-то из мешка...

В браке он, возможно, пойдет на компромисс, но ни за что не подчинится. Рано или поздно он разбивает эту мешающую ему ерунду, чтобы стремиться к небу, принадлежащему его личному героизму.

Он — герой из народа, одинокий волк, поэтому ему суждено остаться холостяком до конца жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.